

Чжоу Цзыфэй стоял, прислонившись к дверному косяку. Сегодня он даже не стал укладывать волосы — тёмные пряди хаотично падали на лоб, пряча лицо в глубокой тени.

Мимо по больничному коридору беспрестанно сновали люди, но он не поднимал головы. Словно застывшее изваяние, Цзыфэй неподвижно замер у кабинета. Звукоизоляция здесь была отличной, и снаружи не доносилось ни звука, но вся его душа оставалась там, в тишине комнаты. Поэтому, когда дверь неожиданно распахнулась, он вздрогнул всем телом.

— Ну как? — Цзыфэй поспешно вскинул взгляд.

Из кабинета вышел один Шэнь Цзя.

— Доктор просит тебя войти. Хочет поговорить наедине, — проговорил юноша. Лицо его было бледным, перед Цзыфэем он стоял виновато, точно нашкодивший ребёнок, избегая встречать его взгляд.

— Родной мой... — Цзыфэй протянул руки, намереваясь обнять его, но Шэнь Цзя ловко увернулся.

— Я в уборную, — бросил он на ходу и поспешно скрылся за поворотом.

— Господин Чжоу, заходите, пожалуйста. Я вкратце введу вас в курс дела, — вовремя окликнула доктор Шэнь мужчину, уже порывавшегося ринуться вслед за любимым.

Цзыфэй помедлил, нахмурившись, и продолжал тревожно всматриваться туда, где исчез Шэнь Цзя.

Врач тихо вздохнула, подошла чуть ближе и мягко произнесла:

— Дайте ему немного времени. Пусть придёт в себя и переведёт дух.

Когда они наконец вошли в кабинет, доктор Шэнь заметила, что Цзыфэй всё ещё не находил себе места от беспокойства. Это лишь подкрепило её выводы из недавней беседы с Шэнь Цзя.

— Господин Чжоу, прежде всего хочу сказать вам спасибо за то, что привели его сегодня. И за то, что дали нам возможность поговорить наедине. Я вижу, как сильно вы его любите.

Она сделала паузу и подвинула к нему стакан воды.

— Находиться рядом с человеком в таком состоянии — это колоссальный, выматывающий труд. Как вы сами себя чувствуете в последнее время?

— Со мной всё в порядке, — без раздумий отрезал Цзыфэй. Глаза его по-прежнему были устремлены на дверь, он порывался встать. — Простите, но я всё же пойду проверю, как он.

— Погодите, — мягко, но удерживающе остановила его доктор Шэнь. — Позвольте мне сначала объяснить, что происходит с Шэнь Цзя, а потом вы пойдёте к нему, хорошо? Это поможет вам лучше понять его состояние и подскажет, как правильно его поддержать.

Эти слова подействовали подобно якорю. Цзыфэй молча опустился обратно на диван.

— Мы поговорили лишь поверхностно, — продолжила доктор. — Он пока настороже и о многом не готов распространяться. Но даже того, что я увидела, достаточно, чтобы констатировать явные признаки расстройства.

Цзыфэй сжал кулаки, сердце болезненно сжалось от нехорошего предчувствия.

— Это КПТСР. Комплексное посттравматическое стрессовое расстройство. Представьте себе: вся его эмоциональная и когнитивная система из-за затяжных, повторяющихся травм в прошлом находится в состоянии непрерывной ложной тревоги.словно пожарная сигнализация, которая орёт без перерыва. Любая мелочь для него — сирена. Ему кажется, будто весь мир объят пламенем и вот-вот сгорит дотла вместе с его жизнью.

Она посмотрела ему прямо в глаза:

— Поэтому его мысли о смерти, эти нервные срывы и саморазрушение — не столько желание умереть, сколько судорожная попытка спастись от «внутреннего пожара». А ещё... это единственный доступный ему способ защитить вас, чтобы его боль не сожгла и вашу жизнь.

Цзыфэй побледнел. В его глазах вспыхнула острая, смешанная с виной и беспомощностью боль.

— Выпейте воды, господин Чжоу, — доктор взяла паузу, давая ему опомниться.

Однако Цзыфэй мгновенно взял себя в руки. Он захлопнул свои чувства внутри, словно тугой замок. В отличие от Шэнь Цзя, который во время беседы дрожал от холодного пота и едва сдерживал слёзы, этот молодой человек проявлял к собственным эмоциям почти жестокую непреклонность.

— Как должно проходить лечение? Что требуется от меня? — спросил он, проигнорировав предложение выпить воды.

Доктор Шэнь внимательно наблюдала за ним. За внешней сдержанностью скрывался неподъёмный груз.

— Главное, господин Чжоу — и, пожалуй, самое сложное для вас, — передать инициативу в руки самого Шэнь Цзя. Не пытайтесь за него «решить проблему».

Она выделила каждое слово:

— Истоки его страданий лежат вне ваших отношений. Если вы будете с чрезмерным рвением пытаться всё «исправить», это лишь надавит на него. Он решит, будто стал для вас невыносимой обузой. Просто будьте рядом, когда его захлёстывают эмоциональные бури, но не пытайтесь насильно задавать им направление. Ваша главная задача — дать ему почувствовать: даже в самые тёмные минуты, когда он разбит на осколки, он всё равно достоин любви. Только так он обретёт силы выкарабкаться.

Дверь снова открылась.

Шэнь Цзя сидел на скамейке у стены, уткнувшись подбородком в шарф. Снаружи виднелась лишь аккуратная переносица да опущенные ресницы — застывший, словно деревянная куколка, он даже не шелохнулся.

— Эй, малыш, пора домой.

Кто-то опустился перед ним на корточки. Тёплые, сухие ладони бережно высвободили его лицо из шарфа и слегка сжали бледные щёки. Шэнь Цзя медленно моргнул и поднял взгляд.

Цзыфэй смотрел на него с мягкой, чуть заметной улыбкой.

— Что... что сказала доктор? — Шэнь Цзя сразу же вцепился в его рукав, голос прозвучал сбивчиво.

Цзыфэй ничего не ответил. Он перехватил его ладонь и аккуратно потянул юношу вверх, заставляя подняться.

— Врач велела нашему сокровищу побольше есть и спать. Быть милым маленьким поросёночком и ни о чём не переживать.

— Что? Не могла она такого сказать...

Его губы накрыл короткий, нежный поцелуй.

Делая вид, будто поправляет на юноше шапку, Цзыфэй наклонился и оставил на его

побледневших губах влажный след тепла.

— Зайка, ты думаешь, быть поросёночком так просто? — Он с шутливой досадой слегка потянул его за кончик носа. — Ты же ешь как котёнок! Начиная с сегодняшнего обеда: если снова съешь пару ложек и скажешь «я наелся», не подчиняясь предписаниям врача, муж отшлёпает тебя по попе.

— Ну... у меня же просто аппетита нет, — тихо возразил Шэнь Цзя, прикрыв пальцами покрасневший нос.

— Значит, буду шлёпать прямо за обеденным столом, — сурово отрезал Цзыфэй. Он спрятал зябкую ладошку Шэнь Цзя в свой карман и повёл его к выходу.

Уже в машине Шэнь Цзя не оставлял попыток разузнать подробности беседы. Он приставал с расспросами до тех пор, пока Цзыфэй не вовлёл его в долгий поцелуй, от которого у юноши занемел язык.

— Мы про кое-что ещё поговорили, но обсудим всё дома, идёт? — Цзыфэй прижался своим лбом к его лбу. Из-за поцелуя голос его звучал глухо и бархатисто, а взгляд пристально скользил по порозовевшим губам Шэнь Цзя.

— Хорошо... — сбившимся дыханием отозвался тот, обнимая его за шею, но пальцы его нервно сжали воротник чужого пальто.

Всю дорогу Шэнь Цзя молча смотрел в окно. Лишь когда Цзыфэй спросил, проголодался ли он и чего бы хотел на обед, юноша робко выронил пару фраз, после чего снова ушёл в себя.

Цзыфэй всё видел. Он хотел было заговорить, призвать к логике, но вовремя вспомнил слова доктора Шэнь: когда он подавлен, не пытайтесь учить его жизни и не допытывайтесь «почему» да «что случилось». Мужчина сжал губы.

На красном сигнале светофора он, как и прежде, накрыл ладонь Шэнь Цзя своей, молча давая понять: я рядом.

«Это марафон, а не спринт. Будут шаги вперёд, будут и отказы назад».

«Партнёры таких больных чаще всего сдаются и уходят. Нужны колоссальное терпение и безграничная любовь, а это слишком тяжело».

«Господин Чжоу, вы задумывались о том, что Шэнь Цзя, возможно, никогда не поправится до конца?»

Задумывался.

Но я никогда его не отпущу.

Цзыфэй сжал его пальцы чуть сильнее. Ощувив, как слабые тонкие пальчики Шэнь Цзя едва ощутимо легли на тыльную сторону его ладони, он почувствовал, как сердце наполняется тихим счастьем.

Я появился в твоей жизни слишком поздно. Но это не важно — я буду рядом так долго, как потребуется. Всегда.

Пока ты готов вот так доверчиво касаться моей руки, я никогда тебя не выпущу.

— Всё? Больше не можешь?

Заметив, как Шэнь Цзя уныло ковыряет палочками рис, отправляя в рот по одной зернинке и бросая на него виноватые взгляды, Цзыфэй вздохнул и задал этот вопрос сам.

Шэнь Цзя посмотрел на едва тронутую пиалу и, смутившись, прошептал:

— Наверное... могу съесть ещё чуточку.

Цзыфэй кивнул, скрестил руки на груди и остался сидеть рядом. Он видел, как юноша с трудом сглатывает каждый кусочек, а его лицо при этом искажается такой мукой, словно даже эта «чуточка» не лезет в горло.

— Не насилуй себя, — Цзыфэй мягко забрал пиалу из его рук и погладил юношу по плоскому животу, сохраняя ровный тон. — Доктор сказала, что главное — регулярность, а не объём. Иди отдохни, поспи немного, а когда проснёшься, я приготовлю тебе фруктов.

— Ты... будешь спать со мной? — Шэнь Цзя вцепился в край его свитера, смотря на него с надеждой и затаённой тревогой.

Цзыфэй опустил взгляд и какое-то время молча разглядывал его с нечитаемым выражением лица.

— Сначала вымою посуду, а потом приду к тебе.

— Ладно! Я пока пойду в спальню, — глаза юноши мгновенно вспыхнули радостью. Он

вспрыгнул и быстрым шагом направился в комнату, не замечая, как тяжело нахмурился ему вслед Цзыфэй.

Оказавшись в спальне один, Шэнь Цзя поправил одеяло, задёрнул плотные шторы и забрался на кровать в ожидании Цзыфэя.

Из-за зашторенных окон в комнате воцарился полумрак. Юноша прислонился к изголовью, и в наступившей тишине его сердце снова начало погружаться в липкую тьму.

Что-то опять шло не так.

Взгляд его угас. Внутри словно зашевелилось гнездо муравьёв — сотни крошечных лапок расползались по телу, въедаясь в самое сердце и оставляя после себя лишь ощущение зияющей, ледяной пустоты.

Почему Цзыфэй до сих пор не рассказал о разговоре с врачом?

Почему отправил его в спальню одного, ведь раньше всегда укладывал сам?

Почему его так долго нет?..

Шэнь Цзя медленно сполз под одеяло и повернулся на бок, уткнувшись лицом в подушку Цзыфэя.

Волна паники накрыла его с головой. Ощущение, что он теряет контроль, что всё ускользает сквозь пальцы, заставило его судорожно сжать чужую подушку в объятиях.

Но этого было мало. Слишком мало.

Шэнь Цзя впился пальцами в наволочку, уткнулся лицом в мягкую ткань и отчаянно закусил её зубами.

Ему требовалось хоть что-то, что заполнило бы эту пустоту. Сильный, резкий раздражитель, который заставил бы забыть обо всём.

Он вскинул голову. На щеках пылал нездоровый, лихорадочный румянец, но в глазах стояли слёзы, полные боли и отчаяния.

Острая стыдливость и отвращение к самому себе захлестнули его, но тело уже действовало само.

Дрожащими пальцами расстегнув пуговицы на рубашке, он с силой вонзил ногти в чувствительную кожу, смешивая боль со жгучим зудом — но это не приносило разрядки.

Лихорадочно закусив губы, он пытался вспомнить движения Цзыфэя, неумело имитируя их. Сорванным, охрипшим от подступающих слёз голосом он шептал имя любимого:

— Цзыфэй... Цзыфэй... мне так...

— Прости... прости меня, я такой... ах...

Произнося вслух эти унижительные слова, Шэнь Цзя содрогался всем телом, но перед глазами всё плыло, и на мгновение ему показалось, что он нащупал выход из этого ада.

Сбросив прежнюю робость, он отбросил одеяло, полностью раскрываясь и лежа на спине. Слёзы катились по щекам, пока он с закрытыми глазами шептал самобичевания, извлекая из этого дикую, болезненную радость.

Он не может без мужчины. Ему нравится, когда с ним грубы. Он кошка, которая виляет хвостом. Он...

Он просто непослушная игрушка. Игрушка Цзыфэя. И вся его ценность — только здесь, в постели.

— Милый... Муженёк... Пожалуйста, быстрее...

Ощущение прохладного воздуха казалось ему прикосновением Цзыфэя, приподнимающего полы одежды. А то, что разрядка никак не наступала — дразнящей карой Цзыфэя, наказанием за непослушание... Пока...

— Малыш?

Голос Цзыфэя прозвучал в спальне наяву.

Шэнь Цзя едва не вскрикнул и в ужасе распахнул глаза. В воздухе витал едва уловимый, характерный запах.

— Не... не смотри на меня!

Он дико рванулся, закручиваясь в одеяло с головой, и до крови прикусил собственный палец. Его будто обдали ледяной водой и швырнули в бездонную пропасть.

Что он наделал?!

Как он мог... так грязно, так отвратительно вести себя с подушкой Цзыфэя?!

Слёзы моментально промочили ткань постели. Шэнь Цзя содрогался от мелкой дрожи, сжавшись в тугой узел, словно пытался полностью исчезнуть из этого мира.

Шаги прозвучали тихим эхом и замерли у самой кровати.

— Родной мой, посмотри на меня. Я здесь.

Нежная, тёплая ладонь опустилась на его плечо поверх одеяла, но Шэнь Цзя лишь сильнее вздрогнул. Он боялся вымолвить хоть слово и лишь молча глотал слёзы, закусив палец.

Цзыфэй не стал обращать внимания ни на испачканную простыню, ни на отложенную подушку. Он опустился на край матраса и бережно привлёк юношу к себе, усаживая на колени.

— Не бойся. Ты в безопасности. Я никуда не ушёл. Всё хорошо.

Он слегка отогнул край одеяла, вызволяя его голову, и мягко погладил по спутанным волосам.

Шэнь Цзя замер, словно заледенев. Он не шевелился, пока Цзыфэй осторожно распутывал одеяло и застёгивал пуговицы на его рубашке.

— Ну-ка, подними личико. Давай я вытру слёзки.

Тёплое дыхание Цзыфэя коснулось его щеки. Шэнь Цзя поднял голову, но сколько бы салфеток ни перевёл Цзыфэй, слёзы текли и текли неудержимым потоком.

— Про... прости меня, — выдохнул юноша, задыхаясь от рыданий. Его глаза и нос покраснели, а мокрые ресницы слиплись.

— За что ты просишь прощения? — тихим, укачивающим тоном спросил Цзыфэй, отбрасывая салфетки и ладонями счищая мокрые дорожки с его щёк.

— Прости... я вечно всё порчу. Я не хочу так, но когда тебя нет рядом, мне становится так страшно... Я просто хочу быть с тобой...

Сжав запястье Цзыфэя своими ледяными пальцами, он потянул его руку вниз:

— Прости... тело... оно снова так себя ведёт. Это мерзко... Я такой мерзкий...

Едва рука Цзыфэя коснулась жара, он плавно отвёл её и положил юноше на спину.

В памяти всплыли слова доктора Шэнь, сказанные чуть раньше:

«Доктор, я хотел спросить... Его потребность в интимной близости стала чрезмерной, почти болезненной. Это нормально?»

«Скорее всего, это не физиология. Это искажённое проявление травмы на телесном уровне».

«Почему так происходит? Что мне делать?»

«Судя по аналогичным случаям, он либо пытается таким образом подтвердить собственную значимость, либо использует близость как способ заглушить боль и наказание самого себя. А возможно — просто не умеет иначе попросить о защите и тепле. Вам нужно мягко прекращать подобные порывы. Помогите ему вернуть контроль над собственным телом, дайте чувство безопасности. Научите его выражать свои истинные желания словами».

Цзыфэй медленно, успокаивающе гладил истощённую, выпирающую сквозь одежду спину Шэнь Цзя.

Лихорадочный жар внутри юноши постепенно угасал, уступая место ровному теплу.

— Малыш, тебе лучше? — тихо спросил Цзыфэй, когда тот перестал дрожать.

Шэнь Цзя уткнулся носом в его грудь, судорожно сжимая ткань рубашки, и заторможенно кивнул.

— Меня долго не было, и ты испугался, да?

— Угу...

— Значит, на самом деле ты просто хотел, чтобы я скорее пришёл и побыл с тобой?

Шэнь Цзя затих. Признаться в такой простой потребности казалось ему чем-то невероятно стыдным.

Цзыфэй не стал давить. Он погладил его влажные волосы, аккуратно расправляя пряди.

— В этом нет ничего мерзкого. Моему сокровищу просто нужно было тепло. Как это может быть мерзким?

Шэнь Цзя что-то смущённо пробормотал, ещё глубже пряча лицо в его ладонях.

— Давай ты посидишь на стуле, а я перестелю постель и приду к тебе, идёт?

Цзыфэй бережно перенёс юношу на кресло у окна и принялся менять бельё. Ни словом, ни взглядом он не упомянул о произошедшем.

Шэнь Цзя замер. Он следил за движениями Цзыфэя, и, не видя в нём ни тени брезгливости или осуждения, неожиданно спросил:

— Мы... не будем делать это?

Цзыфэй застыл. Спина к юноше, он на мгновение закрыл глаза, справляясь с подступившей к горлу острой, щемящей болью.

— Ты... ты не хочешь меня? — тихо переспросил Шэнь Цзя и тут же закусил губу, сгорая от стыда за собственную навязчивость.

Цзыфэй глубоко вдохнул, поворачиваясь к нему с тёплой улыбкой:

— Зайка, если ты хочешь, чтобы я был рядом — просто скажи мне об этом. Твои слова важны для меня куда больше, чем секс. И обнять тебя — это то, чего я хочу сам.

Шэнь Цзя не ожидал такого ответа. Слова застряли у него в горле, он лишь пробормотал невнятное:

— О...

Глядя на его растерянный вид, Цзыфэй не выдержал, подошёл и ласково взъерошил его волосы.

Расстелив свежую простыню и надев чистую наволочку, он увлёк Шэнь Цзя обратно в кровать.

— Ложись, ты ведь совсем не спал прошлую ночь.

Цзыфэй обнял его, бережно поглаживая тёмные круги под глазами.

Шэнь Цзя не мог улежаться: то трогал бицепс Цзыфэя, то крутил пуговицу на его рубашке, словно сон не берёт его вовсе.

— Что, не спится? — Цзыфэй с улыбкой поймал его пальцы, когда тот попытался забраться к нему под футболку.

— Хочу спать... — ответил юноша, но руку забирать не стал.

— А сам вертишься.

Во время отсутствия Цзыфэя он слишком взвинтил себя, и теперь, несмотря на бледность и усталость, возбуждение никак не отпускало.

Цзыфэй вздохнул. Рядом с ним этот парень становился совсем как ребёнок: и покорми его, и уложи. Но что тут поделать? Сам виноват — влюбился без памяти. Был готов стать ему и парнем, и старшим братом, а если надо — то и заботливым родителем.

— Хочешь, муж споёт тебе колыбельную?

Шэнь Цзя вскинул голову. В его глазах вспыхнул такой восторг, будто слово «хочу» материализовалось в воздухе.

— Скажи вслух. Откуда я знаю, если ты молчишь? — пошутил Цзыфэй, слегка сжав его подбородок.

Шэнь Цзя уткнулся носом ему в грудь и пробормотал:

— Хочу...

— Скажи полностью.

— Хочу, чтобы муженёк спел мне...

Голос прозвучал так тихо, что если бы Цзыфэй не замер в ожидании, ни за что бы не услышал.

— Понял. Сейчас уложу своего большого малыша.

Довольный Цзыфэй поцеловал его в горячую щёку, удобнее устраивая юношу в объятиях. Одна его рука легонько похлопывала его по спине в ритм неторопливой мелодии:

— Моё сокровище, мой родной, дай подарю тебе немного сладости...

Низкий бархатистый голос Цзыфэя звучал убаюкивающе. Шэнь Цзя слушал, чувствуя, как от тепла чужого тела и мерных поглаживаний веки становятся тяжёлыми.

Вскоре он крепко заснул, свернувшись калачиком на груди Цзыфэя и доверчиво сжимая пальцами край его одежды.

Дзинь-дзинь.

На тумбочке зазвонил телефон Шэнь Цзя. Цзыфэй мгновенно сбросил вызов и тихонько погладил нахмурившегося во сне юношу. Лишь когда тот снова ровно задышал, он взял мобильный.

Без малейшего колебания разблокировав экран, Цзыфэй увидел пропущенный от Лу Хэ. Лицо его потемнело от отвращения. Переведя устройство в беззвучный режим, он сжал зубы.

Несколько дней назад она уже звонила. Шэнь Цзя тогда было плохо, он толком ничего не сказал, а потом за обедом неожиданно расплакался. Когда перепуганный Цзыфэй бросился выяснять, в чём дело, юноша лишь твердил:

«Я не хочу есть... Просто не хочу. Почему раньше она никогда не спрашивала, сыт ли я, а теперь постоянно зовёт к себе на обед?»

«Это не мой дом. Это её дом. Я там просто гость... я чужой...»

Те спутанные, бессвязные слова до сих пор отзывались болью. В тот день Шэнь Цзя почти ничего не съел, а потом его долго тошнило желчью, пока Цзыфэй сидел с ним в обнимку на полу в ванной.

Вспомнив это, Цзыфэй окончательно ожесточился. Он открыл сообщения и набрал ответ Лу Хэ:

«Я возлюбленный Шэнь Цзя. Раз у вас уже есть новая семья, перестаньте лезть в его жизнь и тревожить его».

Отправив текст, он без колебаний занёс номер Лу Хэ в чёрный список.

Цзыфэй отложил телефон и снова лёг рядом, осторожно притягивая к себе спящего юношу.

Он искренне верил, что поступает правильно — ведь так у Шэнь Цзя будет хотя бы одной причиной для боли меньше.

<http://bllate.org/book/19971/1986032>